

«Город Аседек»

М.Г. Селезнев

1. Еврейский храм в Египте

Как мы знаем от Иосифа Флавия и из Маккавейских книг, последний прямой представитель иерусалимской первосвященнической династии Ониадов Ония III, сын первосвященника Симона, был низложен в 175 г. до н.э. Если доверять 2 Макк. 4:34, Ония III был убит около 170 г. до н.э. Правда, в «Иудейской войне» (*De Bello Iudaico*, 1.33; 7.423–432) Иосиф пишет, что он бежал в Египет и там с разрешения Птолемея VI Филометора (191–146 г. до н.э.) построил храм, который был призван заменить для него и его сторонников оскверненный Селевкидами Иерусалим. По-видимому, однако, в этих пассажах «Иудейской войны» Иосиф просто спутал Онию III с его сыном: современные исследователи больше доверяют рассказу того же Иосифа в написанных им позднее «Иудейских древностях» (*Antiquitates Iudaicae*, 12.387–88; 13.62–73; 20.236–37), где он связывает построение иудейского храма в Египте не с самим Онией III, а с его сыном, носившим то же наследственное имя Ония (Ония IV).

Судя по рассказу Иосифа, храм Онии был задуман как «новый Иерусалим», новый центр мирового еврейства — и деньги в него, судя по описанию храма, были вложены немалые. Однако широкого признания он не получил и в дальнейшем, видимо, функционировал просто как религиозный центр колонии еврейских воинов-наемников на востоке Дельты. Кроме Иосифа, храм Онии упоминается лишь в Талмуде (*Menahot* 109ab, *Megilla* 10a), но эти упоминания слишком сбивчивы, чтобы использовать их как материал для исторической реконструкции.

Иосиф многократно говорит, что храм Онии стоял в «гелиопольском номе». Кроме того, он цитирует переписку Онии с египетским царем Птолемеем и царицей Клеопатрой, где Ония испрашивает разрешение на строительство храма и получает его. Переписку принято считать подложной, написанной позднее для легитимации иудейских притязаний на то место, где стоит храм, и на право его построить. Это не означает, однако, что упомянутые в этой переписке детали о местонахождении храма тоже вымышлены — напротив, если целью подлога являлась легитимация конкретного храма в конкретном месте, то приводимые в фальшивке детали его местонахождения должны быть реальны. Место нахождения будущего еврейского храма уточняется в этой переписке как τὸ ἐν Λεόντων πόλει τοῦ Ἡλιοπολίτου ἱερόν — «святилище в городе Львов гелиополитского (нома)» (*Antiquitates Iudaicae*, 13.70); εἰς Λεόντων δὲ πόλιν τοῦ Ἡλιοπολίτου ... ἀφικόμενος — «придя... в Город Львов гелиополитского (нома)» (*Antiquitates*

Iudaicae, 13.65). Одновременно место будущего храма именуется в этой переписке еще и τόπος ἐν τῷ προσαγορευομένῳ τῆς ἀγρίας Βουβάστειως ὀχυρώματι — «укрепленное место, которое носит имя Полевой Бубастис» (*Antiquitates Iudaicae*, 13.66), ἱερὸν ... προσαγορευόμενον δὲ τῆς ἀγρίας Βουβάστειως — «так называемое святилище Полевой Бубастис» (*Antiquitates Iudaicae*, 13.70). Впрочем, уточняется, что святилище было уже заброшенным, руинированным и бесхозным.

Бубастис (др.-егип. Бастет) — это богиня, почитавшаяся в Нижнем Египте, она изображалась как женщина с кошачьей/львиной головой или как кошка; вероятно, «Полевая» (или «Дикая»?) Бубастис была одной из ее ипостасей.

Гелиополь находился на пути из Мемфиса к тем районам северо-восточной Дельты, где особенно часто селились азиатские иммигранты (Вади Тумилат, низовья пелусийского рукава Нила). О связях Гелиополя (егип. Iwnw, евр. יִנְו) с еврейским миром свидетельствует, с одной стороны, рассказ книги Бытия о женильбе Иосифа на дочери гелиопольского жреца (Быт. 41:45, 50), с другой стороны — антисемитские байки Манефона, делавшие Моисея беглым гелиопольским жрецом (*In Arionem*, 1.250; рус. перев. см. [Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме, 1997, с. 83]). Еврейский текст Исх. 1:11 сообщает нам, что евреи построили для фараона два города — Питом и Раамсес. Септуагинта (Исх. 1:11) добавляет к ним третий город: Ὁν ἢ ἐστὶν Ἡλίουπόλις — «Он, то есть Гелиополь». Очевидно, переводчики Исхода тоже что-то хотели сказать про связь Гелиополя с еврейской историей (подробнее о роли Гелиополя в еврейской традиции времен перевода Септуагинты см. [Steyn, 2016]).

Несомненно, еврейский храм не мог быть построен посреди большого египетского города (как говорится в Исх. 8:26, «мерзостно для египтян наше жертвоприношение Господу, Богу нашему. Если мы будем совершать жертвоприношение, мерзостное для египтян, у них на глазах, — разве не побьют они нас камнями?»¹). Поэтому в переписке Онии с Птолемеем речь идет о каком-то месте, видимо, заброшенном египетском храме, не в самом Гелиополе, а неподалеку. Принято отождествлять его с Тель эль-Яхудия, что значит по-арабски «иудейский тель», примерно в 20 км от Гелиополя. Остатков архитектурных сооружений, которые можно было бы однозначно соотнести с храмом Онии, в Тель эль-Яхудия не найдено, зато обнаружено еврейское кладбище I в. до н.э. — I в. н.э. (преимущественно времен Августа). Евреи, похороненные на этом кладбище, были грекоговорящими — все надгробные надписи только по-гречески.

Наиболее полным и современным исследованием проблем, связанных с храмом Онии, является монография [Piotrkowski, 2019], там же подробный очерк предшествующей литературы. Надо заметить, что Пиотрковский относится скептически к отождествлению храма Онии с Тель эль-Яхудия, но альтернативы не предлагает.

Уточняющие названия: «город Львов гелиопольского нома», «укрепленное место, которое носит имя Полевой Бубастис» — встречаются только в уже упомянутой переписке Онии с Птолемеем и Клеопатрой, где сам характер документов, реальных или вымышленных, подразумевает необходимость точного ука-

¹ Здесь и далее перевод еврейских и греческих текстов мой (М.С.).

зания не просто на «окрестности Гелиополя», но именно на конкретное место, где иудеям разрешено возводить храм. Нам хорошо известны древнеегипетские города Леонтополь (центр поклонения львиноголовой богине Сехмет, которая иногда отождествлялась с Бастет) и Бубастис (центр поклонения кошкологоловой/львиноголовой богине Бастет/Бубастис). Эти два города находятся совсем в других местах Дельты (Телль-Мукдам и Телль-Баста), однако то, что в эллинистическом Египте разные места могли обозначаться одним и тем же топонимом, не должно нас удивлять. Известно, например, несколько «Гермополей».

В научной литературе за храмом Онии прочно утвердилось название «леонтопольского храма». Однако тот факт, что упомянутые нами уточнения — «город Львов гелиопольского нома» и «укрепленное место, которое носит имя Полевой Бубастис» — встречаются лишь в тех местах истории храма Онии, где речь идет о *выборе места для строительства будущего храма*, наводит на размышления. Можно предположить, что иудеи, основавшие на заброшенных руинах египетского святилища свой «новый Иерусалим», не очень-то были готовы сохранять прежние названия этих руин, связанные с египетской богиней. Возможно, священники в храме Онии так же удивились бы, узнав, что этот храм еврейского Бога ученые XXI века называют леонтопольским, как удивились бы жители «Константинополя, Нового Рима», если бы узнали, что ученые XXI века называют их византийцами.

Нельзя исключать, что для грекоязычных евреев диаспоры этот еврейский пригород Гелиополя был просто «Гелиополем» — наподобие того, как еврейские академии Нехардеа, Сура и Пумбедита, где создавался Вавилонский талмуд, были известны в еврейском мире как «Вавилония» — или наподобие того, как православная духовная академия в Сергиевом Посаде носит имя «московской». Солярные ассоциации в названии святого места («Гелиополь») не выглядят таким кощунством, как ассоциации с кошкоголовыми или львиноголовыми богинями. Но нельзя исключать, что у «Нового Иерусалима» Онии было и какое-то свое, быть может еврейское, имя.

Если верно, что «Новый Иерусалим» Онии — это Телль эль-Яхудия, то надо сказать, что связи с Палестиной существовали здесь уже давно. Этот населенный пункт на востоке Дельты был важнейшим «гиксосским» (т.е. азиатским) поселением в Египте Второго переходного периода (XVIII–XVI вв. до н.э.); по находкам, сделанным в Телль эль-Яхудия, самый характерный тип «гиксосской» керамики называется телль-яхудийским. О продолжительных связях с иудеями свидетельствует и современное арабское название «иудейский телль».

Согласно Иосифу, святилище, построенное Онией, включало в себя обнесенный стеной храм, «походивший на цитадель», высотой в 60 локтей и жертвенник по образцу Иерусалимского (*De Bello Iudaico*, 7.423–32). Отмеченные Иосифом отличия храма Онии от Иерусалимского можно отчасти списать на то, что Иосиф, естественно, застал в Иерусалиме лишь храм Ирода, — а Ония строил копию Иерусалимского храма, каким тот был в начале II в. до н.э., еще до Хасмонеев.

Построенный Онией храм, согласно Иосифу, просуществовал до 74 г. н.э., когда был закрыт по приказу Веспасиана. Видимо, император опасался, что после разрушения Иерусалима еврейский храм в Египте может стать новым центром спло-

чения для непокорного и мятежного этноса (вот тогда-то, с опозданием на два столетия, и сбылась бы мечта Онии!).

Для евреев, живших за пределами Гелиопольской области, храм Онии никогда не играл особой роли. Характерно, что ни один александрийский иудеоэллинистический писатель (например, Филон Александрийский) не упоминает о нем. Александрийские евреи — как практически и все остальные евреи диаспоры — поддерживали тесную связь с Иерусалимом (ср. «Письмо Аристея», прославляющее одновременно и Иерусалимский храм, и мудрость египетского царя Птолемея). Не желая нарушать принятые в Иерусалиме нормы Второзакония, александрийские иудеи не имели собственного храма. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (*Antiquitates Iudaicae*, 13.74–75) рассказывает о спорах александрийских иудеев и живших в Александрии самарян: «Иудеи говорили, что по законам Моисеевым построен храм в Иерусалиме, а самаряне — что на горе Гаризим. Они упросили царя, чтобы он вместе с друзьями царя выслушал их прения и побежденных покарал смертью». Естественно, согласно Иосифу, победили иудеи. Мне кажется очень важным, что этот рассказ идет у Иосифа сразу за рассказом о построении египетского храма Онии — может быть, специально, чтобы показать, что построение этого храма не поколебало верности александрийских иудеев Иерусалиму.

«Неортодоксальный» альтернативный храм первосвященника Онии — хотя про него почти ничего не известно, кроме рассказов Иосифа Флавия, — давно уже будоражит воображение исследователей, только за последние четверть века библиография исчисляется десятками работ.

С общиной этого храма ученые связывают, с разной степенью убедительности, ряд произведений иудеоэллинистической литературы, например «Иосиф и Асенет» [Bohak, 1996], 3-й и 5-й «Сивиллины оракулы» [Collins, 1974, p. 50–53, 112], 3 Маккавейскую книгу [Piotrkowski, 2012], «Исход» Иезекииля-трагика [Gambetti, 2017]. В русскоязычной научной литературе храм Онии и его возможные связи с иудеоэллинистическими текстами, прежде всего с «Иосиф и Асенет», не раз попадал и в фокус внимания семинара по сравнительному изучению позднеантичной прозы, руководимого Н.В. Брагинской [Брагинская. Полемика вокруг храма Онии..., 2005; «Иосиф и Асенет», 2005; 2007; Несколько вводных слов..., 2010; О чем говорили небесный вестник и Асенет, 2010].

Храм Онии нередко упоминается и в работах по Септуагинте — в связи с предположениями, что какие-то книги Септуагинты могли быть переведены в общине, связанной с этим храмом. Кандидатом номер один является книга пророка Исаяи.

2. Храм Онии и Ис. 19:18

Греческий Исаяя — самая, пожалуй, странная и загадочная книга Септуагинты. Ее автор то следует более или менее буквально за еврейским текстом, то видоизменяет его почти до неузнаваемости, то полностью меняет смысл отрывка, сохраняя при этом на уровне отдельных слов буквальное соответствие оригиналу. Ее переводческая техника резко отлична от довольно строгого буквализма греческих переводов остальных пророческих книг — что, кстати, может служить дополнительным аргументом в пользу ее особого происхождения.

В тех изменениях, которые переводчик Исаяи на греческий вносил в переводимый им текст, нередко видят отголоски исторических событий времен переводчика.

Толчок к тому, чтобы связать книгу Исаяи и ее греческий перевод с храмом Онии, дают уже упомянутые нами тексты Иосифа Флавия. Прочитируем один из них полностью.

Сын первосвященника Онии, носивший то же имя, что и отец, бежал к царю Птолемею, прозываемому Филометор, и, как мы уже раньше говорили, жил в Александрии. Видя, как страдает Иудея от македонян и их царей, желая стяжать славу и вечную память, он решил написать царю Птолемею и царице Клеопатре и просить у них разрешения воздвигнуть в Египте храм, подобный Иерусалимскому, и поставить на служение левитов и священников из своего рода. На это решение его воодушевил, прежде всего, пророк Исаяя, который жил за шестьсот с лишним лет до него и предсказал, что в Египте непременно будет воздвигнут неким иудеем храм Всевеличайшему Богу. Воодушевленный этим, Ония отправил Птолемею и Клеопатре такое письмо:

«После того как я совершил для Вас с Божьей помощью много великих дел на войне, будучи в Келесирии и Финикии, я нашел, придя вместе с иудеями в город Львов гелиопольского (нома) и в другие места, где поселился этот народ, что очень многие из них, вопреки положенному, имеют свои святилища и из-за них находятся в раздоре друг с другом — такое имеет место и среди египтян из-за множества храмов и из-за несогласий в богопочитании. Найдя наиболее подходящее место — укрепленное место, которое носит имя Полевой Бубастис, поросшее различными деревьями и полное священными животными, — я прошу тебя позволить мне очистить это никому не принадлежащее и развалившееся святилище и воздвигнуть Всевеличайшему Богу храм, наподобие Иерусалимского, тех же самых размеров, — за тебя, за твою супругу и твоих детей, чтобы живущие в Египте иудеи, собравшись вместе, пребывали в единомыслии друг с другом, служа твоему делу. Ведь и пророк Исаяя предсказал некогда: “В Египте будет жертвенник Господу Богу” — и многое еще пророчествовал он об этом месте» (Antiquitates Iudaicae, 13.62–68).

Судя по этому тексту, ссылка на пророчество Исаяи играла важнейшую роль в попытках Онии (или его сторонников) легитимировать свое святилище. Является ли переписка Онии с Птолемеем реальной (что категорически не принимается современными исследователями) или подложной — в данном случае не важно: перед нами foundation myth. Использование древнего пророчества для объяснения современной ситуации и обоснования своих притязаний — тактика, хорошо знакомая нам по кумранским комментариям к пророкам («пешерам»).

Под пророчеством Исаяи здесь имеется в виду Ис. 19:18–19:

בַּיּוֹם הַהוּא יִהְיֶה קֶמֶשׁ עָרִים בְּאֶרֶץ מִצְרַיִם מְדַבְּרוֹת שְׁפַת כְּנָעַן וְנֹשְׁבֵי עוֹת לַיהוָה צְבָאוֹת עִיר הַהָרִים יִאָמַר
:לֹאֲחַת: 190 בַּיּוֹם הַהוּא יִהְיֶה מִזְבֵּחַ לַיהוָה בְּתוֹךְ אֶרֶץ מִצְרַיִם וּמִצְבֵּה אֲצִל־גְּבוּלָהּ לַיהוָה:

В тот день будет пять городов в земле египетской, говорящих на языке Ханаана и клянующихся Господом Воинств (или: давших клятву Господу Воинств). Один из них будет называться Ир-Хахерес. В тот день жертвенник Господу будет посреди земли Египетской, и стела Господу у пределов ее.

Эти два стиха принадлежат к серии дополнений, которые следуют за антиегипетским пророчеством Ис. 19:1–15. Пророчество Ис. 19:1–15, описывающее гражданскую войну в Египте, тираническую власть «свирепого царя» и природные катаклизмы, трудно датировать (учитывая компилятивный характер книги Исаяи в ее теперешнем виде), но, например, Бленкинсоп [Blenkinsopp, 2000, p. 314] склоняется, как кажется, к последней четверти VIII в. до н.э., т.е. к эпохе самого Исаяи. Идущие далее дополнения принято считать более поздними. Первое дополнение к этому пророчеству, Ис. 19:16–17, продолжает тему Божьего суда над Египтом.

Второе дополнение к этому пророчеству — цитированные выше стихи Ис. 19:18–19 — предрекает еврейскую диаспору в Египте (надо думать, *vaticinium ex eventu*): в пяти городах Египта евреи будут говорить на своем языке («языке Ханаана») и исповедовать свою религию (Яхве, Господа Воинств). Предметы культа Яхве будут встречаться в Египте от центра до окраин. Иногда ученые предполагают, что интересующие нас слова («Один из них будет называться Ир-Хахерес») относятся к еще более позднему времени, являясь «дополнением к дополнению».

Некоторые исследователи считают, что еврейский текст Ис. 19:18–19 (или, по крайней мере, слова «Один из них будет называться Ир-Хахерес») написан уже после основания храма Онии в Египте для его легитимации². Это, однако, маловероятно: стихи Ис. 19:18–19 присутствуют во всех рукописях книги Исаяи, включая 1QIs^a, кумранскую рукопись, которая, возможно, восходит к последним десятилетиям II в. до н.э. Этого не могло бы быть, если бы стихи Ис. 19:18–19 были фикцией, которую вставила в текст Исаяи маленькая секта на востоке Дельты, чтобы вопреки евреям Иерусалима, Александрии (а заодно, скорее всего, и Кумрана) задним числом легитимировать свой храм. Как мы увидим далее, протомасоретский переписчик, враждебный храму Онии, переиначил эти слова; если бы они существовали только в сектантских списках, их проще было бы не включать.

Учитывая, сколь рано началась еврейская диаспора в Египте, эти стихи, пишет Вильдбергер, «могут быть на столетия старше храма Онии» [Wildberger, 1997, p. 274].

² Обзор гипотез и датировок см., напр. [Blenkinsopp, 2000, p. 316–320; Wildberger, 1997, p. 260–277].

3. Ис. 19:18. Разночтения еврейских текстов

Из пяти египетских городов, населенных евреями, которые говорят на своем языке и чтут своего Бога, в еврейском тексте по имени назван только один — Ир-Хахерес. В Кумране (1QIs^a и 4QIs^b; к сожалению, в других кумранских списках Исаии этот стих безнадежно поврежден) имя этого города пишется через букву פ, а именно עיר החרס — «город Солнца» (חרס ‘солнце’ — редкий синоним более употребительного שמש). Однако в масоретском тексте имя этого города пишется через букву ה, а именно עיר ההרס — «город разрушения» (вероятно, так надо понимать ההרס — искусственное, более нигде не засвидетельствованное существительное от корня הרס ‘разрушать’). «Кумранское» чтение, впрочем, встречается также в нескольких средневековых еврейских рукописях; оно отражено в греческом переводе Симмаха (πόλις ἡλίου ‘город Солнца’), в Вульгате бл. Иеронима (civitas Solis — «город Солнца») и в некоторых раввинистических толкованиях. Таргум, сочетая две экзегезы, дает двойной перевод: קְרָתָא בֵּית־שֶׁמֶשׁ דְּעֵתִידָא לְמַחְרָב — «город дом Солнца, который будет разрушен»³.

Графическое различие между буквами ה и פ невелико, однако путаница вряд ли случайна. «Город Солнца», עיר החרס, применительно к Египту воспринимается как отсылка к Гелиополю. Если таково было первоначальное чтение пророчества Исаии, то оно, несомненно, было особенно удобно для легитимации храма Онии.

Масоретское чтение представляется явно вторичным: общая тональность стиха такова, что он скорее должен пониматься как прославляющий еврейскую диаспору в Египте, чем как осуждающий. То, что единственный город, упомянутый по имени, носит в масоретском тексте пейоративное имя «город разрушения», никак не укладывается в эту тональность.

Масоретская традиция коренится в палестинской рукописной традиции последних столетий до н.э. и рубежа эр, — а для палестинских иудеев храм Онии был противозаконным соперником. Если выражение «город Солнца» воспринималось общиной храма Онии как отсылка к той земле, на которой они строили свой храм, то легко себе представить, почему их противники заменили букву פ на ה, превратив «город Солнца» в «город разрушения». Быть может, они надеялись, что заключенное в этом названии пророчество сбудется: глагол הרס ‘разрушать’ несколько раз употребляется в Библии по отношению к уничтожению культовых объектов, например жертвенников. Такого рода игра слов — делающая из ненавистного имени нелестное выражение — очень характерна для еврейской Библии. Мы видим, например, как теофорное имя Иш-Баал («человек Ваала» — так зовется сын и преемник Саула в 1 Пар. 8:33, 9:39) заменяется в тексте 2 Цар. (= 2 Сам.) гл. 2–4 на Иш-Бошет («человек стыда»). Особенно близкой параллелью к нашему месту является Иез. 30:17, где, наряду с другими египетскими городами, предракается несчастье египетскому городу Он (און, т.е. Гелиополю), однако проставленные масоретами огласовки превращают египетский топоним Он в еврейское слово ’awen (און) — «грех». Неясно, вызвана ли нена-

³ Подробное описание имеющихся у нас источников и их обсуждения — от древности до Нового Времени — дается в [Barthélemy, 1986, 143–50].

висть тех, кто огласовывал этот текст, неприятием «некошерного» еврейского храма в Гелиопольском номе или просто общей ненавистью к Египту.

Традиции, связывающие египетский Гелиополь с евреями, были достаточно сильными и давними (см. выше). Септуагинта Исхода, которая устанавливает отсутствующую в еврейском оригинале Исх. 1:11 связь Гелиополя с евреями, относится к середине III в. до н.э. Поэтому не обязательно возводить «кумранское» чтение עיר החרס («город Солнца») к храму Онии и его сторонникам. Как и сами стихи Ис. 19:18–19, это чтение может быть на столетия раньше храма Онии. Кумранские рукописи зачастую предлагают нам архаичные, до-масоретские варианты текста. Попытаться видеть в сохранении раннего чтения симпатии писцов кумранских рукописей к храму Онии также было бы излишне.

4. Ис. 19:18 в Септуагинте

Септуагинта Ис. 19:18–19 не следует ни «кумранскому», ни «масоретскому» чтению:

τῇ ἡμέρᾳ ἐκεῖνῃ ἔσονται πέντε πόλεις ἐν Αἰγύπτῳ λαλοῦσαι τῇ γλώσσῃ τῇ Χαναανίτιδι καὶ ὀμνύουσαι τῷ ὀνόματι κυρίου πόλις ασεδεκ κληθήσεται ἡ μία πόλις. τῇ ἡμέρᾳ ἐκεῖνῃ ἔσται θυσιαστήριον τῷ κυρίῳ ἐν χώρᾳ Αἰγυπτίων καὶ στήλη πρὸς τὸ ὄριον αὐτῆς τῷ κυρίῳ

В тот день в Египте будет пять городов, говорящих на языке ханаанском и кляну-щихся именем Господа. Один из них будет зваться город Аседек. В тот день жертвенник Господу будет в стране Египетской и стела Господу у пределов ее.

Греческое πόλις ασεδεκ (таково чтение практически всех греческих рукописей, в том числе Ватиканского и Александрийского кодексов) несомненно восходит к еврейскому עיר הַצְדִּיק — «город праведности»⁴.

Альтернативное предложение Ваккари [Vaccari, 1921], которому следует Троксель [Troxel, 2008, p. 169–171] — возвести греческое πόλις ασεδεκ к гипотетическому עיר הטרר — выглядит неубедительным. Чтение עיר הטרר рукописями не засвидетельствовано. В качестве возможной параллели к замене חרס на טרר в нашем месте Ваккари приводит наличие в еврейской Библии дублетных географических названий תְּמַנְת־טָרָר (Ис. Нав. 19:50) и תְּמַנְת־חָרָר (Суд. 2:9), а также некоторые другие случаи, где в географических названиях еврейской Библии консонанты меняются местами. Эти параллели любопытны, но выглядят как объяснение *obscurum per obscurius*. Помимо замены в *Vorlage* Септуагинты חרר на טרר гипотеза Ваккари-Трокселя предполагает еще путаницу еврейских ח и ט, а также крайне нехарактерную (хотя и не беспрецедентную) для Септуагинты передачу פ как к. Конструкция получается слишком многоступенчатой, и каждая ступень по-своему проблематична.

⁴ Ср. передачу консонантами σ δ к другим еврейским слов с корнем פִּדָּן — Μελιχισεδεκ, Σεδεκίας, Ιωσεδεκ, Σαδωκ.

В Синайском кодексе (*prima manus*) представлено своеобразное чтение $\rho\lambda\iota\varsigma \alpha\sigma\epsilon\delta\eta\lambda\iota\upsilon\upsilon$. Его естественнее всего объяснить как контаминацию старого греческого перевода $\rho\lambda\iota\varsigma \alpha\sigma\epsilon\delta\epsilon\kappa$ и глоссы, взятой из гебраизирующей ревизии (напр. Симмаха) $\rho\lambda\iota\varsigma \eta\lambda\iota\upsilon\upsilon$.

Возникает вопрос, что первичнее: реконструируемое в качестве *Vorlage* Септуагинты עיר הַצְדָּק («город праведности») или кумранское чтение עיר החרס («город Солнца»), которое одновременно является вероятным источником масоретского издательского עיר ההרס («город разрушения»)?

До открытия кумранских свитков ряд исследователей склонялся в пользу того, что первично чтение עיר הַצְדָּק («город праведности»), а чтение עיר החרס («город Солнца») подставлено в текст Исайи уже сторонниками храма Онии для легитимации еврейского храма в гелиопольском номе [Seeligmann, 1948, p. 68; Gray, 1912, p. 335–337].

Кумранские находки явно перетянули чашу весов в пользу противоположной гипотезы: что первоначальным было «кумранское» чтение עיר החרס («город Солнца»), а с общиной храма Онии следует связать чтение Септуагинты. «Таково общее мнение ученых» (“This seems the scholarly consensus”), — пишет Ким, подробно разбирающий Ис. 19:18–19 в исследовании, посвященном теологии и идентичности египетской диаспоры в Септуагинте Исайи [Kim, 2009, p. 81], — и перечисляет практически все основные комментарии к Исае, вышедшие после публикации кумранских свитков. Этот консенсус отражен также и в подавляющем большинстве специальных работ по Ис. 19:18, которые вышли за последнее время.

Едва ли не единственным существенным исключением является работа Вильямсона [Williamson, 2020], который предполагает в качестве первоначального чтения עיר הצדק («город праведности») и, кроме того, предлагает понимать עיר הצדק дистрибутивно (т.е. не как «один из них», а как «каждый из них»). Иными словами, текст, предполагаемый им в качестве первоначального, —

ביום ההוא יהיו חמש ערים בארץ מצרים מדברות שפת כנען ונשבעות ליהוה צבאות עיר הצדק יאמר לאחת:

должен пониматься следующим образом:

В тот день будет пять городов в земле египетской, говорящих на языке Ханаана и давших клятву Господу Воинств. Каждый из них будет называться «город праведности».

Чтение עיר החרס («город Солнца»), согласно Вильямсону, подставлено в текст Исайи сторонниками еврейского храма в гелиопольском номе; в этом он следует уже упоминавшимся Зелигману и Грею [Seeligmann, 1948, p. 68; Gray, 1912, p. 335–337].

Для адекватной оценки гипотезы Вильямсона необходимо, в частности, проверить, насколько оправданно предложенное им «дистрибутивное» понимание לאחת для данного контекста; это тема отдельного серьезного лексикографического исследования.

Однако в пользу «scholarly consensus» говорит, во-первых, хронология (кумранские свитки — самое раннее свидетельство текста Исаяи), во-вторых, географическое распределение наших источников. «Общее мнение ученых» исходит из того, что первоначальное чтение עיר החרס («город Солнца»), появившееся, как и вся книга Исаяи, в Палестине, (а) сохранилось без изменений в Кумране, отражено в Таргуме, повлияло на Иеронима, который перевел свою Вульгату в Палестине; (б) в Иерусалиме стало основой для протомасоретского ерничающего переименования עיר ההרס («город разрушения»); и наконец, (в) в Египте было видоизменено (вероятно, сторонниками храма Онии) в עיר הצדק / πόλις ασεδεκ («город праведности»).

Гипотеза Вильямсона, напротив, предполагает, что первоначальный, палестинский по происхождению, текст Исаяи сохранился лишь в Египте (в передаче Септуагинты), в то время как все варианты, географически связанные с Палестиной, восходят к редакции «про-ониадской» по своему происхождению (т.е. египетской). Такая географическая рокировка текстуальных традиций представляется менее вероятной.

5. Πόλις ασεδεκ — элемент литературной игры или реальный топоним?

Итак, наиболее правдоподобная картина происхождения трех различных версий Ис. 19:18 такова.

(а) Первоначальный текст этого стиха (более поздний, чем пророк Исаяя, но более ранний, чем храм Онии) звучал:

В тот день в Египте будет пять городов, говорящих на языке Ханаана и клянувшихся Господом Воинств (или: давших клятву Господу Воинств). Один из них будет называться Ир-Хахерес («город Солнца»).

Для Онии и его сторонников этот текст — хотя он и не про них писался — оказался своего рода «верительной грамотой» для легитимации их египетского храма.

(б) В прото-масоретской традиции «город Солнца» был переименован в עיר החרס («город разрушения»). Это полемическое переименование, вызванное желанием унижить храм Онии и/или напроорочить ему беду.

(в) В Септуагинте первоначальному עיר החרס («город Солнца») соответствует πόλις ασεδεκ, что восходит к еврейскому עיר הצדק («город праведности»). Столь серьезную перемену в тексте невозможно объяснить случайностью, описками, очитками или ослышками. В библейской рукописной традиции такое бывает, как правило, в тех случаях, когда текст оказывается предметом серьезной полемики. Естественно связать разночтение, представленное в Септуагинте, как и масоретское чтение, с полемикой вокруг храма Онии. Масоретская редакция уничтожает храм Онии, а редакция Септуагинты, напротив, прославляет.

Сторонники такого сценария зачастую предполагают, что πόλις ασεδεκ в Септуагинте является переводом עיר הצדק («город праведности») в еврейском Vorlage Септуагинты. Именно здесь, однако, реконструкция, ставшая «scholarly consensus», оказывается наиболее уязвимой (ср., например, ее критику в [Troxel, 2008, p. 169–171]. Перед нами встают два непростых вопроса.

Первый — насколько замена עיר החרס («город Солнца») на עיר הצדק («город праведности») в еврейском тексте Исаяи была действительно на руку сторонникам храма Онии?

С одной стороны, עיר הצדק («город праведности») создает прекрасную ин-тертекстуальную переключку между нашими стихами и Ис. 1:26. Первая глава Исаяи представляет собой яростное обличение Иерусалима: «Как сделалась блудницею верная прежде столица! Она была наполнена правосудием, праведность обитала в ней, а теперь — убийцы. <...> Вельможи твои — отступники, водят дружбу с ворами. Каждый любит взятки, гоняется за мздою» (Ис. 1:21, 23). Бог отвергает иерусалимское богослужение: «К чему Мне ваши обильные жертвоприношения? <...> Я сыт всесожжениями баранов и жиром откормленного скота. Неудобна мне кровь быков, баранов и козлов. <...> Не надо приносить никчемные приношения! Жертвенный дым отвратителен Мне! Новолуния, субботы, созыв собраний... Не могу терпеть: беззаконие — и празднование! <...> И сколько бы вы ни молились, не буду Я слушать вас. Ваши руки все в крови!» (Ис.1:11–15). Справедливая кара постигает Иерусалим: «Земля ваша разорена, города сожжены огнем. У вас на глазах чужаки опустошают вашу страну» (Ис.1:7). Для сторонников династии Онии эти слова наверняка соотносились с незаконным отстранением Онии III от первосвященства, с последовавшими за тем беспорядками и кровопролитиями в Иерусалиме и, наконец, с гонениями Антиоха Эпифана: Бог оставил Иерусалим.

В Ис.1:26 инвектива сменяется обетованиями: «Судей твоих сделаю такими, как прежде, советников — такими, как раньше. Ты будешь именоваться “Город праведности, верная столица”» (Ис.1:26) (евр. יקרא לך עיר הצדק קריה נאמנה). В контексте это продолжение слов Бога к Иерусалиму. Но, видимо, эти слова могли (при желании) интерпретироваться как относящиеся к иному городу, который приходит на смену оставленному Иерусалиму, например к «Новому Иерусалиму» Онии. Параллелизм синтаксических конструкций в Ис. 1:26 («Ты будешь называться “Город праведности, верная столица”») и Ис. 19:18 («Один из них будет называться “Город Солнца”») мог дополнительно способствовать соотношению двух пророчеств друг с другом.

Усилить еще больше интертекстуальную связь между Ис. 19:18 и Ис. 1:26 через замену в Ис. 19:18 выражения עיר החרס («Город Солнца») на взятое из Ис. 1:26 עיר הצדק («Город праведности») — это действительно могло бы служить целям онаидской пропаганды.

Более того, выражение עיר הצדק («город праведности», евр. ‘ir haššedeq) напоминает, что правильное иудейское первосвященство суждено роду Цадока (šadoq), к которому принадлежит династия Онаидов, и что предки Онии именовались праведными (šaddiq).

Но, с другой стороны, замена עיר החרס («город Солнца») на עיר הצדק («город

праведности») непосредственно в еврейском тексте Ис. 19:18 существенным образом подрывает возможность использования этого пророчества для легитимации еврейского храма в гелиопольском номе. Первоначальный (как принято считать) текст Исаяи как нельзя лучше подходил для такой легитимации, он прямо указывал на Гелиополь: עיר ההרס («город Солнца»). Отредактированный текст עיר הצדק («город праведности») теряет конкретность географического указания. При этом гипотетические про-ониадские редакторы еврейского текста не могли не отдавать себе отчета в том, что именно это место Исаяи, легитимирующее их святилище, находится в фокусе внимания их противников. Стоит ли менять первоначальный текст Исаяи, точно указующий на Гелиополь, на текст, пусть более богатый ассоциациями, зато географически не столь однозначный? И при этом под пристальным взглядом оппонентов — подрывая тем самым вообще доверие к этим стихам Исаяи?

Минусы, похоже, перевешивают плюсы.

Другой вопрос, встающий перед нами, — вопрос, который одновременно может дать нам и ключ к разгадке: почему в греческом тексте עיר הצדק («город праведности») не переведен, а транскрибирован? В Септуагинте есть тексты (например, связанные с традицией καίϋε), в которых транскрипции и транслитерации имен нарицательных встречаются достаточно часто. Исаяя к их числу не относится. В греческом Исаяе транскрибируются или транслитерируются имена собственные, географические названия, а также — очень редко — малоизвестные и, вероятно, непонятные переводчику слова. Словосочетание עיר הצדק («город праведности») вполне понятно и состоит из весьма употребительных слов. В ключевом стихе Ис. 1:26 соответствующее выражение не транскрибировано, а переведено как πόλις δικαιοσύνης («город праведности»).

В книге Исаяи символические имена не редкость. Если говорить о символических именах, которые даются городам и местностям, можно упомянуть — в еврейском тексте Исаяи — Ис. 1:26; 19:18 (разбираемое нами место); 35:8; 47:1, 5; 56:7; 60:14, 18; 62:4, 12). В греческом Исаяе эти символические имена всегда переводятся по смыслу, никогда не транскрибируются. Ис. 19:18 — единственное исключение.

Те, кто бежал в Египет из Палестины вместе с Онией, были ивритоговорящими либо арамеоговорящими, однако большая часть иудеев египетской диаспоры к II в. до н.э., по-видимому, уже забыла еврейский. Если предположить, что «про-ониадские» редакторы еврейского текста Ис. 19:18 хотели, во-первых, подчеркнуть для читателей «праведность» своего города, во-вторых, соотнести его с Ис. 1:26, то транскрипция *аседек* полностью перечеркивает эти намерения: географическое название перестает быть «говорящим». Читатель греческого текста уже не увидит ни связи выражения πόλις *аседек* с праведностью, ни параллелизма с Ис. 1:26.

Получается, что из нескольких возможных вариантов перевода: (а) перевести עיר ההרס как πόλις ἡλίου (ср. Симмаха) — и тем самым сохранить указание на гелиопольский ном; (б) перевести עיר הצדק как πόλις δικαιοσύνης — и тем самым сохранить ассоциации с праведностью, а также теологически значимую переключку с Ис. 1:26; (в) транскрибировать הצדק по-гречески — выбран имен-

но тот вариант (в), который, как кажется, менее всего полезен для сторонников храма Онии.

Ради чего переводчик — если он был сторонником храма Онии — пошел на такие жертвы? В некоторых работах транскрипция *аседек* объясняется, как призванная иллюстрировать тот самый «язык Ханаана» (т.е. еврейский?), о котором идет речь в данном стихе⁵. Неочевидно, однако, зачем было переводчику Исайи на греческий «иллюстрировать» «язык Ханаана» — зато очевидно, как много важных смыслов теряется при транскрипции *аседек* для не знающих еврейского языка.

Хиббард [Hibbard, 2015, p. 50] выдвигает также и альтернативное предположение: что Иерусалим был известен иудеям, в том числе грекоговорящим иудеям, как «город *קדצק*» («*город праведности*»). Это, пишет он, «мог быть технический или символический термин, ассоциированный с Иерусалимом». Переводчик Исайи на греческий, согласно Хиббарду, переносит этот «технический или символический термин, ассоциированный с Иерусалимом» на «леонтопольское святилище». Проблема в том, что Иерусалим многократно упоминается в текстах грекоязычных иудеев, равно как у греческих авторов — но нет никаких следов того, чтобы те или другие реально использовали термин «город *קדצק*» или «город *аседек*» как «техническое или символическое» обозначение Иерусалима.

Обратим внимание, что словосочетания типа «*πόλις*+ транскрипция иноязычного слова» употребляются в греческой Библии не для того, чтобы включить в текст игру слов на незнакомом языке, а для того, чтобы отослать к какому-то топониму, который существует в реальном мире, например *πόλις Ιερουσαλημ* («город Иерусалим»).

Можем ли мы предположить, что к моменту перевода Исайи топоним *πόλις Аседек* существовал не в пространстве библейского текста, но в реальном географическом пространстве птолемеевского Египта? Т.е. что выражение *πόλις аседек* (= *עיר הצדק*), прежде чем попасть на страницы греческого Исайи, стало сперва реальным самоназванием той общины еврейских воинов-колонистов, которую возглавил Ония — наподобие того, как два тысячелетия спустя еврейские колонисты в Палестине называли свои поселения Петах-Тиква («Врата надежды» = цитата из Ос. 2:15) или Рош-Пинна («Краеугольный камень» = цитата из Пс. 117:22)? Для такого амбициозного (пусть и провалившегося в конце концов) проекта, как создание нового центра всего иудейства, назвать этот центр выражением *עיר הצדק* («город праведности») было бы вполне уместно. Это можно было бы считать буквальным исполнением пророчества Ис. 1:26: «Ты будешь называться “Город праведности, верная столица”» (евр. *יקרא לך עיר קריה נאמנה*).

Сделавшись топонимом — не в мире литературных игр, а в реальной географии птолемеевского Египта, — евр. *עיר הצדק* стало естественным образом передаваться на греческий как *πόλις аседек*. Ведь именно транскрипцией, а не

⁵ [Kooij 1987, p. 137; Hibbard, 2015, p. 49–50; cp. Kim, 2009, p. 79]: “It seems that the translator wanted to show that a city in Egypt is called by a “Canaanite” name”.

переводом, передавались на греческом языке и другие еврейские топонимы (Βαιθηλ, Βηθλεεμ) — даже если они могли легко этимологизироваться на языке оригинала.

Если принять, что выражение πόλις ασεδεκ (= עיר הצדק, «город праведности») было действительным самоназванием вновь созданной еврейской общины в реальной географии птолемеевского Египта, то отпадает ряд недоумений, которые возникают у нас по поводу появления πόλις ασεδεκ в греческом Исайте.

Прежде всего, отпадает необходимость считать, что сторонники храма Онии зачем-то отредактировали тот самый еврейский текст, который служил для легитимации их предприятия. Можно предположить, что в еврейских свитках, которыми пользовались в храме Онии, выражение עיר החרס («город Солнца»), указующее на гелиопольский ном и тем самым легитимирующее этот храм, оставалось нетронутым.

Что касается переводчика Исаяи на греческий, то в Ис. 19:18 он просто уточнил и «осовременил» находившееся пред ним еврейское название עיר החרס («город Солнца»). В его понимании оно указывало на еврейское святилище в гелиопольском номе — и вот он обозначил это святилище его «современным» названием, которое, возможно, уже вошло и в грекоязычную египетскую топонимику, т.е. πόλις ασεδεκ. В этом отношении он повел себя так же, как в гл. 23, где уточнил и «осовременил» топоним תְּרִשִׁישׁ ‘Таршиш’, раскрыв его как Καρχηδών ‘Карфаген’ или как в 9:11, где «осовременил» этноним פְּלִשְׁתִּים ‘филистимляне’, передав его как Ἑλλήνες ‘эллины’, или как в 37:38, где передает אֲרָרְט ‘Арарат’ (= «Урарту») как Ἀρμενία ‘Армения’. Такое «осовременивание» географических названий очень характерно для греческого Исаяи. Тезис про «актуализирующую интерпретацию» (actualizing interpretation) в греческом переводе Исаяи стал общим местом современных исследований Септуагинты.

При этом необязательно считать, что переводчик был родом из «Леонтополя» — и даже не обязательно считать, что он был сторонником храма Онии. Если верна выдвинутая в данной статье гипотеза, он просто назвал современное ему еврейское поселение в гелиопольском номе так, как его называли сами жители.

* * *

Три принципиально разных чтения для одного и того же библейского стиха — в Кумране, в масоретском тексте и в Септуагинте — ситуация не то чтобы исключительная, но все же редкая. Обычно такое бывает лишь тогда, когда текст оказывается вовлечен в какую-то теологически значимую полемику (напр., Втор. 32:43). В случае Ис. 19:18 это естественно связать с полемикой вокруг храма Онии, однако реконструкции того, какой именно была эта связь, как мы видели, сильно разнятся между собой.

Насколько мне известно, все весьма многочисленные реконструкции именованных и переименований, связанных с Ис. 19:18, исходили из того, что эти именованные и переименования происходили в пространстве литературы, а именно в пространстве текстов Исаяи и их экзегезы. Однако выдвинутое в данной статье предположение — что эти именованные и переименования происходи-

ли, по крайней мере частично, также и в реальной топонимике еврейских поселений птолемеевского Египта — может, как кажется, разрешить некоторые недоумения и вопросы, которые иначе оставались бы без ответа. В какой-то степени толчок в этом направлении дала мне топонимика современного Израиля с ее «Петах-Тиква», «Неве-Шалом», «Рош-Пинна», «Мевасерет-Цион» и другими «говорящими» топонимами.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44267.

Литература

Брагинская Н.В. Несколько вводных слов к апокрифу «Иосиф и Асенет» // *Arbor mundi: Международный журнал по теории и истории мировой культуры*. 2010. Вып. 17. С. 83–91.

Брагинская Н.В. О чем говорили небесный вестник и Асенет? // *Дар и крест. Памяти Н.Л. Трауберг / сост. Е. Рабинович, М. Чепайтите*. СПб.: Издательский дом Ивана Лимбаха, 2010. С. 253–282.

Брагинская Н.В. Полемика вокруг храма Онии и исправление пророчества: Исая 19:18 // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2005. № 9. С. 32–38.

Брагинская Н.В. «Иосиф и Асенет»: «мидраш» до мидраша и «роман» до романа // *Вестник древней истории*. 2005. № 3. С. 73–96.

Брагинская Н.В. «Иосиф и Асенет»: «мидраш» до мидраша и «роман» до романа. Ч. 2 // *Вестник древней истории*. 2007. № 1. 32–75.

Брагинская Н.В., Виноградов А.Ю., Шмайна-Великанова А.И. Был ли крест на медовом соте? // *Arbor mundi*. 2010. Вып. 17. С. 132–178.

Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. От Геродота до Плутарха / Введ., коммент. М.Штерн; науч.ред. Н.В.Брагинская. М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 1997.

Иосиф и Асенет / пер. с др.-греч. Н.В.Брагинской, М.С.Касьян, В.В.Пислякова, А.И. Шмаиной-Великановой // *Arbor mundi*. 2010. Вып. 17. С. 92–131.

Barthélemy D. Critique textuelle de l'Ancien Testament, 2: Isaïe, Jérémie, Lamentations. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1986.

Blenkinsopp J. Isaiah 1–39 (Anchor Bible). Garden City, N. Y.: Doubleday, 2000.

Bohak G. Joseph and Aseneth and the Jewish Temple in Heliopolis (SBL Early Judaism and its Literature 10). Atlanta, Ga.: Scholars Press, 1996.

Collins J.J. The Jewish Sibylline Oracles of Egyptian Judaism (SBL Dissertation Series 13). Missoula: Scholars Press, 1974.

Gambetti S. Some Considerations on Ezekiel's Exagoge // *Journal of Ancient Judaism*. 2017. Vol. 8. No. 2. P. 188–207.

Gray G.B. A critical and exegetical commentary on the Book of Isaiah. Vol. 1. Edinburgh: T. & T. Clark, 1912.

Gruen E.S. The Origins and Objectives of Onias' Temple // *Idem.* The Construct of Identity in Hellenistic Judaism: Essays on Early Jewish Literature and History. B.; Boston: De Gruyter, 2016 (= 'The Origins and Objectives of Onias' Temple // *Scripta Classica Israelica*. 1997. Vol. 16. P. 47–70).

Hibbard J.T. Isaiah 19:18: A Textual Variant in the Light of the Temple of Onias in Egypt // *Concerning the Nations: Essays on the Oracles against the Nations in Isaiah, Jeremiah and Ezekiel* / ed. by E.K. Holt et al. L.: Bloomsbury T&T Clark, 2015. P. 32–52.

Kim K. Theology and Identity of the Egyptian Jewish Diaspora in Septuagint of Isaiah (Ph.D. Thesis). University of Oxford, 2009.

Kooij A. van der. The Old Greek of Isaiah 19:16–25: Translation and Interpretation // VI Congress of the International Organization for Septuagint and Cognate Studies, Jerusalem, 1986 / ed. by C.E. Cox (SBL SCS, 23). Atlanta, GA: Scholars Press, 1987. P. 127–166.

Kooij A. van der. 'The Servant of the Lord': A Particular Group of Jews in Egypt according to the Old Greek of Isaiah: Some Comments on LXX Isa 49, 1–6 and Related Passages // *Studies in the Book of Isaiah: Festschrift Willem A. M. Beuken* / ed. by J. van Ruiten, M. Vervenne (BETL 132). Leuven: Leuven University Press, 1997. P. 383–396.

Piotrkowski M.M. Priests in Exile: The History of the Temple of Onias and Its Community in the Hellenistic Period. B.: De Gruyter, 2019.

Piotrkowski M.M. Re-evaluating 3 Maccabees: an Oniad Composition? // *Jüdisch hellenistische Literatur in ihrem interkulturellen Kontext* / hrsg. von M. Hirschberger. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. P. 117–142.

Seeligman I.L. The Septuagint Version of Isaiah: A Discussion of Its Problems. Leiden: Brill, 1948.

Steyn G.J. Heliopolis and On in the Septuagint // *Die Septuaginta — Orte und Intentionen* / ed. by Kreuzer S. et al. Tübingen: Mohr Siebeck, 2016. P. 155–168.

Troxel R.L. LXX-Isaiah as Translation and Interpretation: The Strategies of the Translator of the Septuagint of Isaiah. Leiden: Brill, 2008.

Vaccari A. ΠΟΛΙΣ ΑΣΕΔΕΚ Is. 19, 18 // *Biblica*. 1921. Vol. 2. No. 3. P. 353–356.

Wildberger H. A Continental Commentary: Isaiah 13–27. Minneapolis, MN: Fortress Press, 1997.

Williamson H.G.M. Egypt in the Book of Isaiah // *Israel in Egypt: The Land of Egypt as Concept and Reality for Jews in Antiquity and the Early Medieval Period* / ed. by A. Salvesen et al. Leiden: Brill, 2020. P. 25–55.